

УДК 82.09

*П.Н. Долженков***ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА
И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

В романе «Господа Головлевы» Салтыков-Щедрин создает образ главного героя, особенности и протекание внутренней жизни которого совпадают с описанием структуры психики и динамикой протекания внутренней жизни человека в психоанализе Фрейда.

Изучая механизм бессознательной лжи, Салтыков-Щедрин показывает, как бессознательно лгущий самому себе человек может начать жить в фантастическом мире и даже прийти к необходимости упразднить всякое представление о реальной жизни.

Достоевский в «Записках из подполья» утверждает, что бессознательный лгун, заплутавший в лабиринтах бессознательной лжи самому себе, в конце концов может утратить ощущение собственного «я».

Ключевые слова: русская литература XIX в., творчество Салтыкова-Щедрина, Достоевского, роман «Господа Головлевы», повесть «Записки из подполья», психоанализ Фрейда.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-2-319-324

В XIX в. представление о бессознательном существовало в психологии и философии, но ему не придавалось большого значения. В самом конце века появляются первые работы З. Фрейда, согласно учению которого, бессознательное во многом определяет поведение и внутреннюю жизнь человека.

О бессознательном в произведениях Салтыкова-Щедрина написана лишь одна работа. В ней Л.В. Борисова, говоря об «Истории одного города» и опираясь на концепцию К.Г. Юнга, приходит к следующим выводам: «Анима представлена фигурами лжеградона начальниц, борющихся за власть; а Эго (летописец) остается неинтегрированным в Самость, то есть остается вне Города. А город Щедрина является символом самости» [1, с. 46]. На наш взгляд, для этих утверждений у автора статьи недостаточно оснований.

У Салтыкова-Щедрина слово «бессознательный» встречается, пожалуй, чаще, чем у остальных русских писателей XIX в.

В произведениях писателя в подавляющем большинстве случаев мы встречаем вполне традиционное представление бессознательного. Но не так обстоит дело в «Господах Головлевых», в этом романе Салтыков-Щедрин создает свою, опередившую свою эпоху концепцию бессознательного.

Главный герой, Иудушка Головлев, – стяжатель, повинный в смертях (в «умертвиях»), как пишет Салтыков-Щедрин) ряда своих родственников, прелюбодей, отправивший в воспитательный дом собственного новорожденного сына. В конце произведения в нем просыпается совесть, и он кончает жизнь самоубийством.

Финал романа оказался сложным для восприятия читателями, не учитывавшими специфику внутренней жизни главного героя «Господ Головлевых», финал воспринимался ими как неподготовленный всем предшествующим текстом произведения. Показательно неприятие самоубийства Иудушки И.А. Гончаровым, который в своем письме писал: «Ведь нанести себе удар ножом, пустить пулю в лоб – это значит все-таки сознать какой-нибудь ужас своего положения, безотрадность падения, почувствовать в себе утробу – нет, в такой натуре – ни силы на это не хватит, ни материалу этого вовсе нет» [4, с. 222]. В наше время, например, Н.М. Савченко утверждал: «Итак, мы видим практически мгновенное превращение Иудушки Головлева в Порфирия Владимировича без объяснения (экспликации) промежуточных звеньев», – и далее он отмечал: «Стремительность и внешняя немотивированность “пробуждения совести” у этого персонажа давали повод для современников Салтыкова-Щедрина, так и впоследствии литературоведам, либо отвергать органичность, естественность финала романа, либо говорить об общественной бесполезности прозрения героя» [6, с. 96].

В чем же заключается своеобразие внутренней жизни Иудушки Головлева, как объяснить финал произведения?

В конце романа Салтыков-Щедрин пишет о своем герое: «К удивлению, оказывалось, что совесть не вовсе отсутствовала, а была загнана и как бы позабыта. И вследствие этого утратила ту деятельную чуткость, которая обязательно напоминает человеку о ее существовании» [7, с. 256-257]. В

каком же смысле совесть была «позабыта», утратила свою «деятельную чуткость»? Когда Иудушка отказывает в помощи племяннику Петеньке, тем самым обрекая его на гибель, автор романа пишет: «Сознавал ли Иудушка, что это камень (который он подает племяннику. – П.Д.), а не хлеб, или не признавал – это вопрос спорный» [7, с. 119], – а в конце «Господ Головлевых» автор сообщает читателям: «Иудушка в течение долгой пустоутробной жизни никогда даже в мыслях не допускал, что тут же, о бок с его существованием, происходит процесс умертвия. Он жил себе потихоньку да помаленьку, не торопясь да богу помолясь, и отнюдь не предполагал, что именно из этого-то и выходит более или менее тяжелое увечье. А, следовательно, тем меньше мог допустить, что он сам и есть виновник этих увечий» [7, с. 257]. Таким образом, Иудушка не признавал истинный смысл того, что он делает, истинные мотивы своих поступков.

Принято рассматривать образ Иудушки как образ лицемера, точнее – бессознательного лицемера, каким его характеризовал сам Салтыков-Щедрин. При этом писатель настойчиво подчеркивал своеобразие своего героя, сопоставляя его с «французскими лицемерами», с Тартюфом. В его описании Франция предстает как страна, в которой в верхних слоях населения господствует лицемерие, как надежный оплот едва ли не мирового лицемерия. Сознательное французское лицемерие он сравнивал с русским лицемерием, не прямо противопоставляя Тартюфу своего русского бессознательного лицемера.

В душе Порфирия Владимировича Головлева живут низменные желания, которые стремятся осуществить себя в действительности, но они не приемлемы для его совести, и сознание, подчиняясь воле этих желаний, вытесняет их в сферу бессознательного. Неосознаваемые персонажем желания требуют своей реализации в жизни. Но в прямом виде эта реализация невозможна, поэтому его сознание начинает лгать сверх-Я, маскируя от совести истинные мотивы его поведения, истинный смысл происходящего. Этот процесс внутренней жизни человека в психологии называется бессознательной ложью, в которую сам человек искренне верит. И Иудушка начинает лгать самому себе, что он поступает «по-родственному», «по-семейному», «по-божески», и вполне верит в собственную ложь. Как и положено в подобных случаях, конфликт между Оно (вытесненным в подсознание) и сверх-Я на уровне сознания отражается чувством смутной тревоги, неопределенными предчувствиями. Например, когда Иудушка говорит с благочинным отцом, он, позиционирующий себя истово верующим человеком, неожиданно, для истинно православного, хочет высказаться в пользу католиков, утверждающих, что существует Чистилище. Понятно, что ему хочется, чтобы Чистилище, в котором души грешников очищаются, а затем попадают в рай, существовало, потому что он смутно чувствует, что он на самом деле грешен, что ему необходимо очищение. Но мысль о собственной греховности категорически не может войти в его сознание, она жестко вытесняется. Когда Евпраксеюшка от него забеременела, у Иудушки «своеобразные проблески совести, побужденные затруднениями, в которые его поставила беременность Евпраксеюшки и нежданная смерть Арины Петровны, мало-помалу затихли» [7, с. 188]. Как видим, у Порфирия Владимировича бывали даже проблески совести.

На протяжении своей жизни Иудушка успешно обманывал сам себя, но в конце романа постоянные, ежедневные обличения Анниньки пробили-таки брешь в психологической защите Порфирия Владимировича. Бессознательно лгать самому себе более невозможно – и страшная правда входит в сознание главного героя романа. Салтыков-Щедрин пишет: «Что-то громадное, которое до сих пор неподвижно стояло, прикрытое непроницаемой завесой, и только теперь двинулось навстречу, каждаминутно угрожая раздавить. Если б еще оно взаправду раздавило – это было бы самое лучшее...» [7, с. 260]. «Непроницаемая завеса» бессознательной лжи рухнула, и ужасная правда «раздавила» Порфирия Владимировича – его совесть вынесла ему приговор, и он его исполнил.

Иудушку правильнее назвать бессознательным лгуном, а не бессознательным лицемером, но термина «бессознательная ложь» в психологии того времени просто еще не было.

Понятно, что описанная нами специфика внутренней жизни персонажа Салтыкова-Щедрина совпадает с описанной Фрейдом структурой психики (Я, Оно, сверх-Я) и динамикой ее жизни, определяемой отношениями между членами этой структуры. Русский писатель создал свой образ бессознательного лгуна на десятилетия раньше, чем вышли в свет первые психоаналитические работы великого австрийского психолога.

Но не только в этом заключается заслуга Салтыкова-Щедрина, он создал персонаж с весьма своеобразным механизмом бессознательной лжи. Своеобразным по отношению к классическим описаниям.

Проанализируем более детально особенности внутренней жизни Иудушки.

Перед ним стоит задача обманывать свою совесть, выставлять свои действия так, как будто им руководят самые лучшие побуждения. Но часто это очень трудно сделать, и главный герой романа начинает прибегать к помощи пустословия. Рассмотрим один из эпизодов «Господ Головлевых». Иудушка совершил прелюбодеяние, Евпраксеюшка забеременела, рождает, и Улита приходит, сообщить, что служанка на грани смерти, не может разродиться, и зовет Порфирия Владимировича пойти взглянуть на, по ее мнению, умирающую Евпраксеюшку. Пойти означает для Иудушки признать, что отец ребенка он, а он, разумеется, не может признать этого прежде всего перед самим собой. Что же он делает? Возникшая ситуация: главное в ней – Евпраксеюшка не может разродиться его ребенком, ей угрожает смерть, частность – Улитушка предлагает ему пойти взглянуть. Иудушка цепляется именно за частность, более того – к слову, к слову «пойти». Он начинает бессознательно размышлять: люди ходят по делу или не по делу (это еще имеет отношение к ситуации), если по делу, я хожу. Тут же он начинает говорить Улите: «Не приду, потому что ходить незачем. Кабы за делом, я бы и без зова твоего пошел. За пять верст нужно по делу идти – за пять верст пойду; за десять верст нужно – и за десять верст пойду! И морозец на дворе, и метелица, а я все иду да иду! Потому знаю: дело есть, нельзя не идти!» [7, с. 190]. Здесь слово по ассоциации влечет за собой следующее слово, затем следующее и так далее, создается целая картина того, как Иудушка героически идет по морозу, сквозь метель целых десять верст. В итоге по чередности слов он уходит все дальше и дальше от конкретной ситуации, отстраняется от нее, топчет ее в бездне «пустых слов» (определение Салтыкова-Щедрина), поэтому ему теперь легко сказать: «Не приду, потому что ходить незачем». (В разговоре с Улитой он создает не только приведенную вереницу слов.)

Автор романа так и пишет (мы продолжаем цитату о проблесках совести у Иудушки): «Пустомыслие сослужило и тут свою обычную службу, и Иудушке в конце концов удалось-таки, с помощью невероятных усилий, утопить представление о “беде” в бездне праздных слов» [7, с. 188].

Итак, Иудушка обманывает себя, разрешая неприятные для него ситуации, с помощью пустословия и пустомыслия (или праздномыслия, как тоже определяет Салтыков-Щедрин). Но Иудушка использует эти средства не только в целях психологической защиты, он ими пользуется и в повседневности, в разговорах с мужиками, батюшками, родственниками. Это ему необходимо для создания для окружающих и, прежде всего, для самого себя образа себя как высоконравственного человека, заботливого семьянина, образцового верующего (его вера сводилась к строгому исполнению всех религиозных обрядов, предписаний; он много молился, но, как пишет Салтыков-Щедрин, не потому, что хотел войти в сношения с Богом, а потому, что боялся черта и надеялся на то, что Бог спасет его от черта).

В его пустословии к прямым значениям слов присоединяются еще и значения, обусловленные целями психологической защиты. Постепенно слова начинают отделяться от предметного мира и жить своей жизнью, Иудушка погружается в мир «праздных слов», в мир фантастический, оторванный от реальной жизни. Действительность грозит Иудушке разоблачением, и он разрывает связи с ней, прячется от нее. Салтыков-Щедрин пишет: «Мысль его до того привыкла перескакивать от одного фантастического предмета к другому, нигде не встречая затруднения, что самый простой факт обыденной действительности заставлял его врасплох. Едва начинал он “соображать”, как целая масса пустяков обступала его со всех сторон и закрывала для мысли всякий просвет на действительную жизнь. Лень какая-то обуяла его, общая умственная и нравственная анемия. Так и тянуло его прочь от действительной жизни на мягкое ложе призраков, которые он мог перестанавливать с места на место, одни пропускать, другие выдвигать, словом, распорядиться, как ему хочется» [7, с. 208-209]. Иудушка начинает жить фантастической жизнью.

Но этого оказывается мало, страшная действительность угрожает ворваться в его сознание. Чтобы этого избежать, надо покончить со всяким представлением о действительности, Иудушка чувствует, что ему «недостает чего-то оглушающего, острого, которое окончательно упразднило бы представление о жизни и раз навсегда выбросило бы его в пустоту» [7, с. 253]. Чтобы достичь этого, Иудушка начинает пить. Автор романа пишет о том, что, когда Порфирий Владимирович напивался, «вся насущная обстановка исчезала из глаз и заменялась светящеюся пустотой» [7, с. 256].

Он добился того, чего хотел, покончил с реальной жизнью. Но, как мы уже говорили, ежедневные обличения Анниньки все-таки разрушили его «непроницаемую завесу» бессознательной лжи, правда о себе вошла в его сознание.

Изучая механизм бессознательной лжи, Салтыков-Щедрин показывает, как бессознательно лгущий самому себе человек может начать жить в фантастическом мире и даже прийти к необходимости упразднить всякое представление о реальной жизни.

Бегство бессознательного лгуна в фантастический мир отличается от бегства в мир фантазий в эскапизме, так как при эскапизме человек бежит в свои фантазии, спасаясь от неудовлетворяющей его жизни, а бессознательный лгун бежит от действительности из-за страха перед угрожающими ему разоблачениями.

По всей видимости, выдающийся сатирик прав. Ведь бессознательная ложь есть вымысел о себе самом и реальности, и все более погружаясь в него, бессознательный лгун рискует оборвать все связи с реальной жизнью.

Перейдем к творчеству Достоевского.

На тему «Достоевский и Фрейд» написана уже далеко не одна работа. Подробнее всех о бессознательном в персонажах писателя писал Р. Лаут [3, с. 43-92].

Обратимся к «Запискам из подполья». К. Мочульский, исследовавший эту повесть Достоевского, пишет: «Герой утверждает, что пишет исключительно для себя, что никаких читателей ему не нужно, а между тем каждое слово его обращено к другому, рассчитано на впечатление. Он презирает этого другого, издевается над ним, бранит его, но в то же время заискивает перед ним, оправдывается, доказывает и убеждает. Крики о полной независимости от чужого мнения чередуются с самыми жалкими задабриваниями врага. <...> Полемика с воображаемым врагом, хитрым и ехидным, ведется в напряженно-страстном тоне» [5, с. 204].

Почему же для Подпольного человека другой это враг?

Обратим внимание на следующее его высказывание: «Есть в воспоминаниях всякого человека такие вещи, которые он открывает не всем, а разве только друзьям. Есть и такие, которые он и друзьям не откроет, а разве только себе самому, да и то под секретом. Но есть, наконец, и такие, которые даже и себе человек открывать боится, и таких вещей у всякого порядочного человека довольно-таки накопится. То есть даже так: чем более он порядочный человек, тем более у него их и есть» [2, с. 122].

Таким образом, в подсознании героя Достоевского хранится то, в чем он не может сознаться не только другим, но и самому себе. И его сознание стоит на страже бессознательного, оберегает его от внешних вторжений. Оружие сознания в деле охраны подсознательного – бессознательная ложь. Понятно, что для лгущего сознания другой – враг, который стремится разоблачить его.

При этом Подпольный человек может и наговорить на себя, выставить себя хуже, чем он есть на самом деле. Это для него не страшно, ведь он же знает, что это неправда.

Страшно, когда тебя определили, каков ты есть, пригвоздили к стенке, и ни сбежать, ни язык показать нельзя. В этом страхе заключено и психологическое обоснование его мировоззрения, его выпадов против теорий, «вычисляющих» человека. О «законах природы» он говорит: «Следственно, эти законы природы стоит только открыть, и уж за поступки свои человек отвечать не будет и жить ему будет чрезвычайно легко. Все поступки человеческие, само собою, будут расчислены тогда по этим законам, математически, вроде таблицы логарифмов, до 108 000, и занесены в календарь; или еще лучше того, появятся некоторые благонамеренные издания, вроде теперешних энциклопедических лексиконов, в которых все будет так точно исчислено и обозначено, что на свете уже не будет более ни поступков, ни приключений» [2, с. 112-113]. Понятно, что теории, вычисляющие человека, для него неприемлемы, так как, согласно им, он сам может быть «вычислен», и деваться ему будет некуда.

Подпольный человек постоянно лжет самому себе, и он не может определить, когда он лжет, а когда говорит правду. Он пишет в своих записках: «Даже вот что тут было бы лучше: это – если б я верил сам хоть чему-нибудь из всего того, что теперь написал. Клянусь же вам, господа, что я ни одному, ни одному-таки словечку не верю из того, что теперь настроил! То есть я и верю, пожалуй, но в то же самое время, неизвестно почему, чувствую и подозреваю, что я вру как сапожник».

В конечном итоге персонаж Достоевского утрачивает ощущение собственного «я», поскольку, чтобы он ни сказал о самом себе, он не может быть уверен в том, что это правда, а не его очередная ложь. Подпольный человек признается: «О, если б я ничего не делал только из лени. Господи, как бы я тогда себя уважал. Уважал бы именно потому, что хоть лень я в состоянии иметь в себе; хоть одно свойство было бы во мне как будто и положительное, в котором я бы и сам был уверен. Вопрос: кто такой? Ответ: лентяй; да ведь это неприятно было бы слышать о себе. Значит, положительно определен, значит, есть что сказать обо мне. «Лентяй!» – да ведь это званье и назначение, это карьера-с.

Не шутите, это так» [2, с. 109]. Подпольный человек мечтает о том, чтобы о нем можно было бы сказать то, в чем он сам был бы уверен, он жаждет хоть какой-нибудь определенности.

Таким образом, по Достоевскому, бессознательный лгун, заплутавший в лабиринтах бессознательной лжи самому себе, в конце концов может утратить ощущение собственного «я».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова Л.В. Проблема бессознательного в произведениях М. Салтыкова-Щедрина и М. Булгакова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 1999. № 1. С. 42-47.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. V.
3. Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. М.: Республика, 1996.
4. Макашин С.А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875-1889. Биография. М.: Художественная литература, 1989.
5. Мочульский К. Достоевский. Жизнь и творчество. Париж: YMCA-PRESS, 1980.
6. Савченко Н.М. Своеобразие финала романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»: «испуг» или «пробуждение совести»? // Русская филология: язык - литература - культура. Омск, 2008. С. 96-102.
7. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20-ти тт. М.: Художественная литература, 1965–1977. Т. XIII.

Поступила в редакцию 30.07.2020

Долженков Петр Николаевич, кандидат филологических наук, доцент
кафедра истории русской литературы, филологический факультет
МГУ им. М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1
E-mail: pnd57@mail.ru

P.N. Dolzhenkov

PSYCHOLOGICAL DISCOVERIES OF M.E. SALTYKOV-SHCHEDRIN AND F.M. DOSTOEVSKY

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-2-319-324

In his novel "The Golovlyov Family" Saltykov-Shchedrin creates the image of the protagonist, whose behavior and the peculiarities of interior life coincide with the description of mind structure and interior life dynamics of a person in Freud's psychoanalysis.

Examining the mechanism of unconscious lie Saltykov-Shchedrin shows how a person who is unconsciously lying to himself can start living in a world of fantasy and even come to necessity to eliminate any ideas about real life.

Dostoevsky in "Notes from Underground" considers that an unconscious liar lost in the labyrinths of his own lies can end up losing the sense of self.

Keywords: history of the 19th-century Russian literature, creative work of Saltykov-Shchedrin, creative work of Dostoevsky, novel "The Golovlyov Family", novella "Notes from Underground", Freud's psychoanalysis.

REFERENCES

1. Borisova L.V. Problema besoznatel'nogo v proizvedeniyax M. Saltykova-Shchedrina i M. Bulgakova [The problem of the unconscious in the works of M. Saltykov-Shchedrin and M. Bulgakov]. Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. [Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin], Pyatigorsk, 1999. № 1. Pp. 42-47. (In Russian)
2. Dostoevsky F.M. Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t. [The complete works in 30 volumes]. L., Nauka Publ., 1972-1990. T. V. (In Russian)
3. Laut R. Filosofiya Dostoevskogo v sistematicheskom izlozhenii. [Dostoevsky's philosophy in systematic narration]. M., Respublica Publ., 1996. (In Russian).
4. Makashin S.A. Saltykov-Shchedrin. Poslednie gody. 1875-1889. Biografiya. [Saltykov-Shchedrin. Last years. 1875-1889. Biography]. M., Hudozhestvennaya literatura Publ. 1989. (In Russian).
5. Mochulskij K. Dostoevsky. Zhizn i tvorchestvo. [Dostoevsky. Life and legacy]. Parizh, YMCA-PRESS, 1980. (In Russian).
6. Savchenko N.M. Svoeobrazie finala romana M.E. Saltykova-Shchedrina "Gospoda Golovlevy": "ispug" ili "probuzhdenie sovesti"? [The originality of the ending of M.E. Saltykov-Shchedrin's novel "The Golovlyov Family"]

- ly”: “startle response” or “awakening of conscience”?). Russkaya filologiya: yazyk – literatura – kultura [Russian philology: language – literature – culture]. Omsk, 2008. Pp. 96-102. (In Russian).
7. Saltykov-Shchedrin M.E. Sobranie sochineniy: v 20-ti tt. [The complete works in 20 volumes]. M., Hudozhestvennaya literatura Publ. 1965-1977. T. XIII. (In Russian).

Received 30.07.2020

Dolzhenkov P.N., Candidate of Philology, Associate Professor at Department of history of Russian literature
Faculty of philology
M.V. Lomonosov Moscow State University
Leninskije gory, 1, Moscow, Russia, 119991
E-mail: pnd57@mail.ru